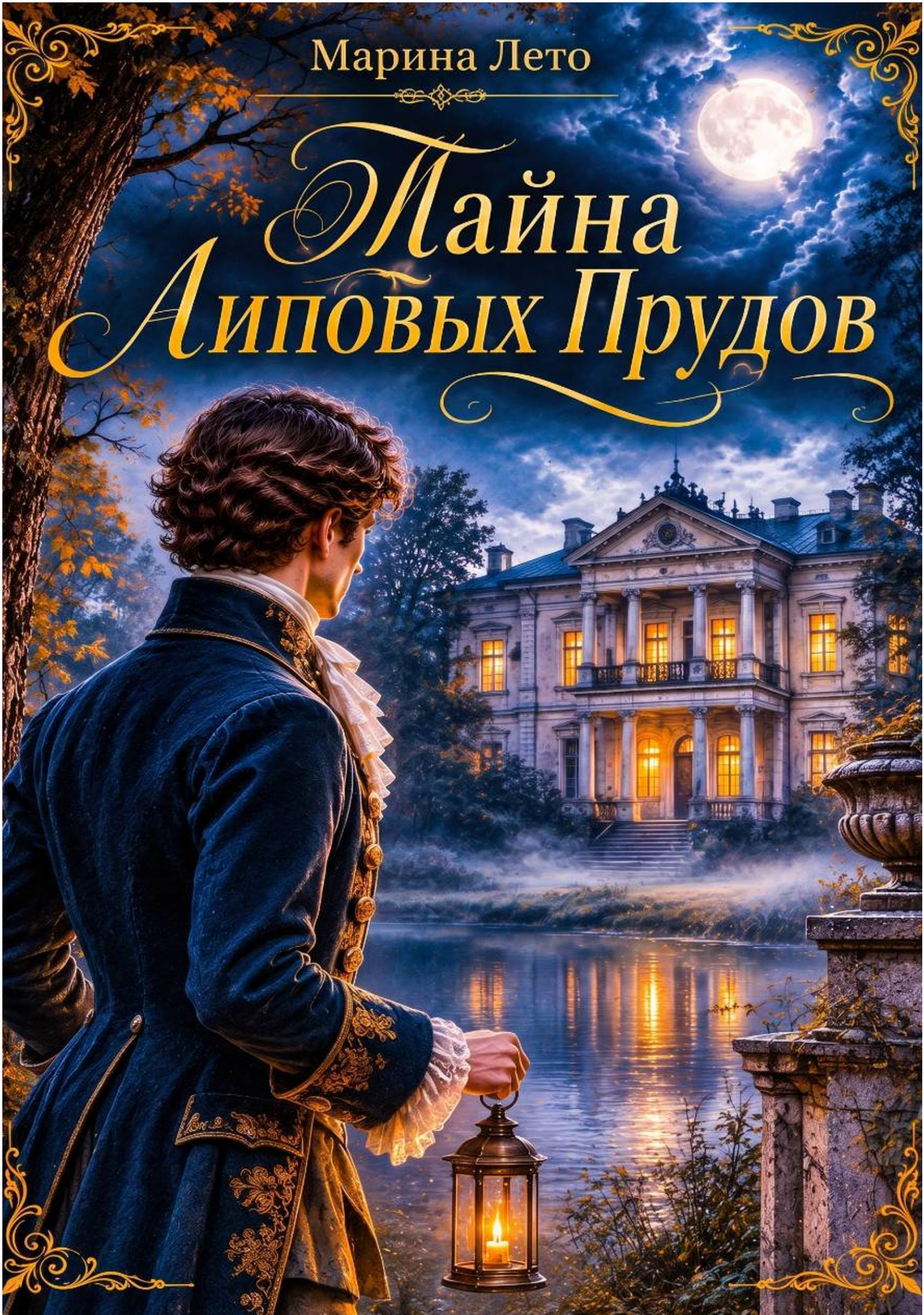

Марина Лето
Тайна Липовых Прудов

Марина Лето

Тайна "Липовых прудов"

«Автор»
2026

Лето М.

Тайна "Липовых прудов" / М. Лето — «Автор», 2026

Осень 1775 года. Андрей Измайлов возвращается в родовое поместье, где совсем недавно один за другим умерли его дядя и старший брат. Но едва переступив порог родного дома, он понимает: здесь творится что-то необъяснимое.В пустых комнатах слышатся шаги и вздохи, за дверями кто-то шуршит, по ночам мелькают таинственные тени. Дом словно хранит чужое присутствие - и не спешит раскрывать свои секреты.Разобраться в происходящем Андрею помогает неожиданный союзник: в имение приезжает Яков Григорьевич Казарин, старый друг его покойного отца. Вместе им предстоит распутать клубок загадок, в котором переплелись давние семейные тайны, опасные секреты и события, о которых кое-кто предпочел бы навсегда забыть.

© Лето М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Дом, где шепчутся стены 5
Глава 2 9
Продаётся ли имение с призраками? 10
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Марина Лето
Тайна "Липовых прудов"

Глава 1

Дом, где шепчутся стены

Из тетради А. Измайлова: «Страшная ночь. Проклятое имение. Не нужно было ехать».

Дождь начался сразу за Рогожской заставой и никак не мог закончиться уже вторые сутки.

Кибитка ползла по размытой колее, оседая в грязь по самые ступицы. Ямщик Ермил, мокрый до нитки, в который раз ожёг пристяжную кнутом, после чего сказал небу несколько слов, которых не обычно печатать не принято.

— К ночи бы добраться, ваша милость. В такую распутицу и днём чёрт ногу сломит. А у вас, сказывают, и место недоброе.

— Почему недоброе? — Андрей подался вперёд, придерживая на коленях намокшую епанчу.

— Да потому. — Ермил быстро перекрестился. — Это я так, по глупости. Люди болтают, будто покойный Иван Лукич по ночам над прудом ходит и в окна заглядывает: всё ли на месте. Старик был хозяйственный, ему можно. — Он понизил голос, хотя на версту вокруг не было никого, кроме мокрых елей. — Сказывают, клад он в тех местах зарыл, а душу за него заложил. Вот и сторожит. А над прудом по ночам огонь ходит. Рыбаки божатся, что не их.

— Выдумки.

— Оно и я говорю, выдумки. — Ермил хлестнул лошадь. — Только как Пётр Иванович в августе помер, в ту ночь собаки выли до рассвета, а часы в большом зале сами встали. Никто их не трогал. С тех пор и стоят. А теперь Николай Сергеевич. Два покойника за два месяца, ваша милость, это уж не Иван Лукич. Это уже другое.

— Ты лучше смотри за дорогой. Лес-то чистый?

— После пугачёвщины-то? — Ермил хмыкнул. — Беглые да отставные шалят, как и всегда. Но вы не робейте: под сиденьем у меня топор, а у вас вид такой, что с вас и взять нечего.

Андрей невольно усмехнулся и снова посмотрел на письмо. Это было последнее письмо Николая, написанное три недели назад. Бумага размякла по сгибам, но каждое слово Андрей помнил наизусть: «Не приезжай, дурачок. Дядю схоронили, тётка воет, крёстный ещё весной прислал нам какого-то француза с пилюлями, а дом теперь на мне. Сиди в Москве, пока двор там, и жди определения. Буду скоро, привезу тебе настоящую турецкую саблю, а пока ничего не ломай. Твой Н.»

Николай всегда писал так, словно разговаривал через стол. Мог поддеть, мог рассердиться, мог пообещать саблю и тут же велеть не трогать его вещи. Но никогда не жаловался. А три дня назад пришло тётушкино письмо: скоротечная горячка, погребён в тот же день, воля Божья. И ни слова о самом брате.

Андрей убрал письма во внутренний карман. Двадцатичетырёхлетний гвардеец, который летом на спор поднял на плечах кучера. Скоротечная горячка. .Сгорел за считанные дни.

Третий месяц Андрей жил у дальней родни, вдовы с Покровского переулка, пока Москва гуляла вместе с двором: императрица праздновала мир с турками, летними ночами над Кремлём рвались шутихи, а гвардейцев в городе было столько, что недорослю неловко было показаться на улице. Всё его имущество составляли две пары белья, старый «Робинзон» и тетрадь,

куда он записывал всё, что казалось ему значительным. Всё будущее состояло из одного обещания: брат сулил взять его в свой полк.

Теперь не было ни брата, ни обещанного места. Осталось имение, где за два месяца умерли дядя и Николай.

— Приехали, ваша милость.

За последним поворотом лес раздвинулся, и внизу, в мокром сумраке, открылись «Липовые Пруды» - те самые, что подарили имению название, - три тёмных зеркала, лежащие цепочкой одно за другим. Над ними на холме стоял невысокий белый дом с колоннами. Верхний пруд был окутан туманом, и посреди него на островке смутно белел дедов грот, «Эрмитаж», где отец когда-то рассказывал им сказки. Андрей помнил, как они с Николаем плавали туда на старой лодке, а отец делал вид, будто не замечает их мокрых сапог и виноватых лиц.

Сейчас грот походил на надгробие.

В господских окнах было темно. Только внизу, в людской, тускло теплилась лучина.

Кибитка вкатилась в липовую аллею. Деревья наполовину облетели, жёлтые листья лежали на дороге мокрым ковром и глушили шум колёс. Ворота отпирал сторож Фока. Андрей помнил его с детства: старик каждое лето сажал его себе на плечи и показывал ворон, уверяя, что у каждой есть своё имя. Теперь Фока возился с засовом, не поднимая глаз, кланялся в пояс, бормотал: «Здравствуйте, Андрей Сергеевич» — и торопливо крестился.

Больше всего Андрея поразила тишина. В этом доме всегда встречали лаем, топотом, криками дворовых мальчишек. Сегодня собаки молчали. Из-за угла конюшни выглянула девка в платке, увидела барина и тут же скрылась.

На крыльце под жидким светом фонаря стоял Прохор. Старик сильно сдал за лето: сгорбился, борода совсем побелела, пальцы, державшие фонарь, ходили ходуном. Он шагнул навстречу, споткнулся и вдруг, забыв и чин, и годы, схватил Андрея за рукав.

— Барин. Слава Тебе, Господи, доехали...

— Полно, Прохор. Где Николай?

Прохор опустил глаза.

— Схоронили, Андрей Сергеевич. Никого не дождались. В склепе он.

Старик хотел сказать ещё что-то, но в дверях показался лакей Ефим, забрал у Андрея дорожную сумку и сообщил в пространство:

— Часы-то в зале так и стоят, барин. Мы их не заводим. Нехорошо.

— Почему нехорошо?

— Так сами встали, — сказал Ефим и поклонился с видом человека, который сказал всё, что нужно.

В зале пахло ладаном и сыростью. Зеркала были завешены чёрным крепом, под образами теплилась лампада, а большие часы у стены показывали без десяти три, как показывали, видимо, уже два месяца.

— Андрюшенька! Голубчик!

По лестнице, шурша чёрным шёлком, спускалась тётка Софья Ивановна: маленькая, с распухшими глазами и флакончиком нюхательной соли в кулаке. Траур она носила основательно, со всем снаряжением: из рукавов торчали платки, из-за пояса выглядывал молитвенник, а на груди болтался медальон с чьими-то волосами. Она бросилась Андрею на шею, расплакалась, запричитала:

— Один ты у нас остался! За что нас Господь наказывает! Пётр Иванович в августе, теперь Николенька, и двух месяцев не прошло! Это рок, голубчик. Над нашим родом рок, я всегда говорила. Батюшка мой покойный не лежит спокойно, вот что. Всё ему в доме не так.

— Тётушка, полно. — Андрей осторожно обнял её. — Расскажите, как это было.

Ужинали вдвоём в малой столовой, потому что в большой, по словам тётки, «стало холодно, как в склепе». Она плакала над остывшими щами, одной рукой ела, другой утирала слёзы, причем ухитрялась делать то и другое одновременно.

— Как Петра Ивановича схоронили, так Николенька места себе не находил. Поехал к Громову, к соседу, развеяться, и угораздило его под ливень. Приехал мокрый, как утопленник, да ещё хохочет: сабли, говорит, под дождём лучше точатся. — Она всхлипнула. — А наутро жар. Месье Дюпре, лекарь, что крёстный твой прислал, сказал: простуда, обойдётся. И правда, дня через четыре ему полегчало, бульон пил, шутил над нами. Мы уж свечку в церкви поставили. А ночью вдруг опять жар, да такой, что не приведи Господи. Месье Дюпре сказал: не простуда это, а горячка, какие были в чуму, и по указу таких надо хоронить немедля, в закрытом гробу, чтобы не разнести заразу. Мы с Агафьей всю ночь в соседней горнице молились. К утру всё и кончилось.

Тётка прижала платок к губам. — Отец Никодим отпел в тот же день, и в склеп. А ты не поверишь, голубчик: накануне, как Николенька слёг, я сама в зале видела, будто в зеркале кто-то прошёл. Ну, я и велела все завесить.

Она вздохнула, вытерла глаза и повернулась к Андрею. — Завтра господин Фогель, управляющий наш, хочет с тобой о делах... Ах, не сейчас, голубчик. Всё завтра.

После ужина тётка ушла, опираясь на руку горничной. Андрей остался в пустой столовой. Ему не хотелось в комнату, и он вышел в зал с одной свечой.

У подножия лестницы ему в ладонь ткнулась влажная морда.

— Султан...

Серый борзой Николая, длинноногий, с впалыми боками, поднял на него тоскливые глаза. Андрей присел и обхватил его за шею. Пёс положил голову ему на колено и вздохнул совсем по-человечески.

— Второй день не ест, барин, — сказал из темноты Прохор, подошедший так тихо, что Андрей не слышал шагов. — Только воду лакает. Ходит по дому, будто ищет кого.

— Проводи меня.

Прохор повёл его по восточному коридору. В конце коридора, под тусклым фонарём, темнела высокая дубовая дверь.

— Библиотека, — сказал старик. — Заперто, Андрей Сергеевич. Тётушка велели, после Николая Сергеича. Ключ у меня. Коли понадобится, барин, откроем.

— Не сегодня.

Прохор кивнул, но с места не двинулся. Он смотрел на дверь так, как смотрят на больное место, и Андрей вдруг понял, что старик чего-то боится. Не горя, не одиночества, а чего-то конкретного. Но Прохор лишь перекрестился и открыл соседнюю дверь.

— Ваша комната, барин. Всё как при вас. Ложитесь.

Комната была на первом этаже, рядом с библиотекой, через стену. Прохор поставил свечу на столик, помог снять кафтан и ушёл. Андрей разделся, лёг и сразу понял, что не уснёт.

Дождь шумел в липах. Часы в доме стояли, и время текло без отметок, густое и вязкое. Андрей лежал и думал о Николае: о том, как брат учил его ездить верхом и кричал «не тяни поводья, дурачок!»; о саблях и смехе; о том, как они плыли к гроту, а отец стоял на берегу и делал вид, что считает ворон. Ему казалось, что вот-вот скрипнет дверь и Николай войдёт с насмешливым: «Спишь?»

Скрипнула половица.

Андрей открыл глаза. Звук шёл не из коридора, а из-за стены, из библиотеки. Осторожные, медленные шаги: кто-то шёл по комнате, останавливался, шёл дальше.

Он сел. По спине пробежал холод.

Ключ был у Прохора. Прохор спал в людской.

Андрей прислушался. Шаги стихли. В тишине слышались только дождь и стук собственного сердца.

«Показалось, — сказал он себе. — Дорога, усталость, старый дом. Ермил со своими покойниками».

Он лёг и закрыл глаза.

И услышал, как за стеной снова скрипнула половица.

Глава 2

Продаётся ли имение с призраками?

Из тетради А. Измайлова: « Покойники как будто вышли на минуту и вернутся к обеду».

Он не помнил, как заснул. Двое суток дороги, холод, тряска и тяжесть вчерашних известий измотали его до пустоты, мысли путались и рассыпались, и только под утро, когда шаги за стеной наконец смолкли, он провалился в тяжёлый сон без сновидений. Когда он открыл глаза, в окне стояло белёсое небо. Дождь закончился. С лип на подоконник тяжело падали капли.

Завтракали в малой столовой. Тётка, бледная, в чёрном чепце, разливала чай и рассказывала, как плохо спала: ей опять чудились шаги на лестнице.

— Это дом, голубчик. Он как больной: то скрипнет, то вздохнёт. Старые дома всё чувствуют, мне ещё покойная нянюшка говорила.

Андрей хотел рассказать о ночных шагах за стеной, но посмотрел на её распухшие глаза и промолчал. Днём, при свете, они уже казались ему просто усталостью с дороги.

— Ваша милость позволит?

В дверях стоял Фогель, управляющий имением. Длинный, сухой человек в чёрном сюртуке, застёгнутом до горла, с папкой под мышкой. Войти без приглашения он не решался, но и уходить явно не собирался.

— Ах, господин Фогель, — тётка прижала платок к груди. — Ну что вы так рано. Андрюша ещё не позавтракал.

— Дела не ждут, сударыня, — сказал Фогель без улыбки. — Я буду краток. Закладная на имение истекает в декабре. Заёмные письма Петра Ивановича на сумму, которую я не стану называть за столом. И есть покупатель: господин Рогов, московский откупщик. Он даёт сорок пять тысяч, и деньги можно получить к Рождеству.

— Покупатель? — Андрей отодвинул чашку.

— После двух смертей и этих разговоров про ночные огни на пруду никто не даст больше, ваша милость. Через год цену будет не удержать. Через два имение придётся отдавать за долги. Я говорю это не из корысти, а из долга перед вашей семьёй.

— Это дом моего отца.

— Дом, — согласился Фогель, — который не приносит дохода и стоит с закрытыми зеркалами.

— Брат писал мне, что дом теперь на нём. Значит, он решил, что дому быть.

— Николай Сергеевич, царствие ему небесное, просто не знал размера долгов.

— Он так кричал на господина Фогеля, — вдруг сказала тётка и тут же ахнула, прикрыв рот платком. — Ах, Господи. То есть он не кричал, он только сердился. Как и Пётр Иванович, когда ему в июле письмо пришло...

Она осеклась. Никто не заговорил. Андрей смотрел на её дрожащие пальцы и на Фогеля, который не изменился в лице, и вдруг подумал: дядя отказывался продавать. Николай отказывался продавать. Оба умерли.

— Я не подпишу, — сказал он. — Что бы вы мне ни принесли.

— Воля вашей милости, — поклонился Фогель. — Но долги ждать не станут. Я оставлю бумаги.

Он положил папку на край стола и вышел, так же бесшумно, как вошёл.

В доме было нечем дышать, и Андрей вышел в сад.

Сад был прекрасен той печальной красотой, какая бывает только в конце октября. Липы стояли наполовину голые, и сквозь них просвечивало небо. Под ногами лежал мокрый золотой ковёр, пахло яблоками и дымом, где-то за конюшней жгли листья. В заброшенной беседке

дрожала паутина с каплями дождя, а на яблонях в дальнем конце сада чернели грачи, лениво переговариваясь.

Андрей шёл вниз, к прудам, по той дорожке, по которой они с Николаем когда-то бегали наперегонки. Нижний пруд затянуло туманом, средний лежал тёмный и тихий, а верхний по-прежнему парил, и посреди него, на островке, белел дедов грот. Старая лодка всё так же лежала на берегу, перевёрнутая, с облупившейся краской. В детстве она казалась кораблём.

Он постоял над водой, вспоминая отца, который рассказывал здесь сказки о Блаженных островах, где вечно золотая осень и никто не умирает. Тогда ему было шесть, и он спрашивал: «А можно туда доплыть?» Отец отвечал: «Можно. Но надо знать, когда пруд спит».

За спиной хрустнул лист.

Андрей обернулся. Аллея была пуста: мокрые стволы, жёлтая листва, дымок над конюшней. Он постоял, прислушиваясь, и пошёл дальше. Через несколько шагов хруст раздался снова. Шаги шли за ним, останавливались, когда он останавливался, и стихли, когда он резко повернулся. Куст бузины качнулся, хотя ветра не было.

— Кто здесь?

Ответили грачи. Андрей постоял, чувствуя, как неприятно холодеют руки, и поспешил к дому.

В людской Прохор чинил упряжь, но, увидев барина, тут же поднялся.

— Открой библиотеку, — сказал Андрей. — Я хочу посмотреть отцовские вещи.

Старик долго вынимал ключ из связки, потом молча пошёл вперёд. Султан поднялся с половика и побрёл следом, цокая когтями по паркету.

В библиотеке стоял холод нежилой комнаты и тонкий запах пыли и кожи. В серых окнах дрожал утренний свет. Андрей прошёл мимо стеллажей с дедовскими фолиантами и остановился у стола.

Над ним висел парадный портрет деда в золочёной раме: старик в кафтане времён Петра Великого, с жёстким умным лицом и пером в руке.

Портрет висел криво.

Андрей по привычке шагнул, чтобы выровнять тяжёлую раму. Она подалась неохотно, как будто с обратной стороны ее что-то держало.

— Сырость, — пробормотал он.

Султан прошёл мимо него и остановился под портретом. Задрал морду к стене и заскулил, тихо и жалобно, как скулят по хозяину.

— Всё сюда ходит, — шепнул Прохор. — Чует что-то.

— Что?

Старик не ответил. Андрей подошёл к нижней полке в углу, где лежали отцовские вещи, которых после его смерти никто не решался трогать: карта Польши, вся в чернильных пометках, и стопка французских книг, купленных, как смеялся отец, «для практики во вражьем языке». Он взял карту. Знакомый почерк, острый, торопливый, ряды цифр на полях. Андрей положил её обратно: от этого почерка защипало глаза.

Кабинет дяди был рядом. Прохор отпер его, перекрестившись.

— Заперто было с августа, барин. Ключ у меня.

Здесь тоже стоял нежилой холод. На столе лежала чернильница с высохшими чернилами и стопка бумаг, придавленных пресс-папье. В большом камине осталась груда серого, слежавшегося пепла, а в нём торчали чёрные закрутившиеся лоскуты бумаги и застыла лужица красного сургуча с обломком печати: на уцелевшем краю виднелась задняя лапа какого-то зверя.

— Кто жёг? — спросил Андрей.

— Не знаю, барин. Золу не убирали с августа. Никто не велел.

Андрей перебрал бумаги на столе. Счета, расписки, письмо от управляющего из дальней деревни. Под сукном нашёлся листок, исписанный твёрдым купеческим почерком, датирован-

ный июлем: «Милостивый государь Пётр Иванович, вторично прошу вас обдумать моё предложение. Господин Фогель уверяет, что вы склоняетесь к согласию. Рогов».

— Дядя склонялся? — спросил он.

Прохор покачал головой.

— Нет, барин. Они сказали господину Фогелю при мне: пока я жив, не продам. А через месяц... — Он замолчал.

— Что с ним случилось, Прохор?

— Нашли утром за этим столом. Лекарь сказал: удар, апоплексия. — Старик помял шапку в руках. — Лицо у них было розовое, барин. Как у живого. Я у покойников такого не видал. И пахло у них в кабинете чем-то горьким. Орехом вроде... — Он вдруг спохватился и перекрестился. — Да мало ли. Старость. Лекарь сказал: удар.

Андрей смотрел на его бледное лицо, на дрожащие пальцы. Старик говорил не всё, и было ясно, что больше из него сегодня не вытянешь.

Он вспомнил дядю: добродушного, суетливого, пахнущего табаком, который любил сладкое и всегда тайком совал мальчишкам леденцы. Отец был его противоположностью: суровый, молчаливый, весь из прямых линий. Но когда он умер, дядя плакал, как ребёнок, и Андрей запомнил это, потому что взрослые не плачут.

Отец, дядя, брат. Из всех мужчин рода остался он один.

В зале у лестницы, когда он вернулся, стоял высокий человек в чёрном, без парика, с гладко зачёсанными волосами, и снимал мокрый плащ. Кожаная сумка лежала на столике рядом.

— Андрей Сергеевич? — Он обернулся, и Андрей увидел усталое умное лицо. — Мне горько знакомиться с вами при таких обстоятельствах. Дюпре, лекарь. Я француз, сударь: недостаток, который в России терпят, пока человек полезен. Стараюсь быть полезным.

Он говорил по-русски мягко, чуть картавя.

— Вы лечили моего брата.

— Да. И, к несчастью, не вылечил. — Дюпре не отвёл глаз. — Простуда, потом жар, потом ещё один. Я видел такие горячки в Москве, в чуму. Против них у меня нет ничего, кроме надежды.

— Я хочу побывать в склепе.

— Склеп заперт, сударь, и ключ у отца Никодима. По указу его не отпирают до сорока дней. Я понимаю вас, но указ есть указ.

Он наклонил голову. От него пахло лавандой и какими-то травами.

— Вы бледны, сударь. Если что-нибудь понадобится, присылайте за мной в любой час.

День прошёл так, как проходят дни в доме, где остановились часы: без начала и конца. После обеда Андрей перебрал письма отца, потом сидел у окна и смотрел, как за стёклами сгущаются сумерки. Ужинали рано и молча. Тётка ушла к себе, Фогель не показывался.

К ночи снова пошёл дождь.

Андрей долго не гасил свечу. Он говорил себе, что никаких призраков нет, что шаги в саду были эхом его собственных, что портрет висел криво от сырости, и все эти доводы звучали убедительно, пока он смотрел на огонёк. Но стоило закрыть глаза, как в тишине начинал проступать дом: скрип балки, шорох за обоями, тихий стук капель в водосточной трубе. Раза три он ловил себя на том, что прислушивается к стене.

Султан лежал в коридоре у библиотечной двери. Андрей видел его, когда выходил: пёс дышал часто и тяжело и всё тянулся к миске с водой, пил и пил, будто не мог напиться. На имя он не отозвался. Андрей постоял над ним, потрепал по холке и вернулся к себе.

Он лёг. Свеча догорала.

Скрипнула половица.

Андрей замер. Звук шёл не из коридора, а из-за стены, из библиотеки, как и прошлой ночью. Он вдруг поймал себя на том, что считает эти шаги, как считают удары сердца: пять, шесть, остановка. Семь. В запертой комнате, куда с августа никто не входил.

Что-то глухо стукнуло, будто на пол уронили книгу. Шаги прекратились.

Он встал и сам не заметил, как подошёл к стене. Босые ноги стыли на полу. Андрей приложил ладонь к холодной штукатурке и слышал только собственное дыхание. Тишина за стеной была не пустой, а выжидающей, как бывает в комнате, где кто-то тоже замер и тоже слушает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.